

ЧУЖОЙ
ДНЕВНИК

КРИС

Крис Крис

Чужой дневник

<https://litres.ru/74129678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для всего города он — странный новенький, который почти ни с кем не разговаривает и смотрит так, будто знает о людях больше, чем должен.

Для Миры он — загадка, которую невозможно перестать разгадывать.

Она привыкла доверять свои мысли только чёрному дневнику. Там всё, чего она никогда не сказала бы вслух: страхи, сомнения... и записи о странном парне, который появился в её жизни слишком неожиданно.

Но однажды её дневник оказывается в его руках.

Страница за страницей он узнаёт девушку, которую никто никогда не пытался понять.

Теперь он замечает каждый её взгляд.

Каждое новое слово.

Каждый шаг.

Мира уверена, что для него она всего лишь очередная одноклассница.

Она ещё не знает, что с того дня исчезнуть из его мыслей стало невозможно.

Когда тайны прошлого начинают оживать, а любопытство превращается в опасную одержимость, им обоим предстоит сделать выбор: довериться друг другу... или потерять всё.

При создании текста использовался ИИ

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Новенький	8
Глава 2. Наблюдатель	33
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Крис

Чужой дневник

Пролог.

Иногда мне кажется, что люди исчезают задолго до того, как их сердце перестаёт биться. Сначала из них испаряется смех — этот лёгкий, живой звук, который раньше заполнял всё пространство. Потом исчезают привычки, любимые мелодии, случайные фразы за ужином... А однажды ты замираешь от ужаса, понимая: человек сидит прямо перед тобой, но его больше нет. Его душа уже давно покинула это тело, оставив лишь пустую, холодную оболочку.

Когда мама заболела, мне было тринадцать. В тринадцать лет ты ещё веришь в богов и в то, что взрослые обладают магической силой. Мне казалось, что они могут исправить всё: починить сломанную машину, вернуть потерянную вещь, победить саму смерть. Я верила, что болезнь — это просто ошибка, которую можно исправить, если найти правильного врача, если проявить достаточно веры.

Мама никогда не жаловалась. Она сражалась с этой невидимой тьмой с каким-то невозможным, пугающим достоинством. Даже в те дни, когда её кожа становилась прозрачной,

а глаза — потухшими, она пыталась улыбаться. Иногда эта улыбка была похожа на свет далёкой, умирающей звезды.

Я делала уроки прямо в больничной палате, зажатая между стерильной белизной и запахом лекарств. Я читала ей книги и без умолку болтала о школьных глупостях, даже если в моей жизни не случилось ничего важного. Я говорила и говорила, отчаянно цепляясь за каждое слово, веря, что мой голос — это тонкая нить, которая удерживает её в этом мире. Но в глубине души я уже чувствовала: нить истончается.

За неделю до того, как мир навсегда рухнул, мама позвала меня. Она долго молчала, собирая остатки сил, словно само дыхание давалось ей с невероятным трудом. Потом она дрожащими пальцами открыла ящик прикроватной тумбочки и достала его.

Небольшой, потёртый дневник в чёрной тканевой обложке.

Я узнала его мгновенно. Он годами лежал на книжной полке, храня в себе тайны, к которым я ещё не была готова.

— Возьми, — прошептала она.

Я приняла его так осторожно, словно это было хрупкое крыло бабочки. — Зачем? — мой голос дрогнул.

Мама улыбнулась. Это была самая печальная улыбка, которую я когда-либо видела. — Иногда легче написать, чем сказать.

Я провела пальцами по шероховатой поверхности обложки. Она казалась холодной. — И что мне писать? — я по-

пыталась пошутить, но смех вышел надломленным. Она посмотрела на меня долгим, пронзительным взглядом. — Всё.

— Это же скучно, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Нет, — она покачала головой, и в её глазах блеснула какая-то древняя мудрость. — Самые важные вещи люди почти никогда не решаются произнести вслух.

Тогда я была слишком глупа, чтобы понять её. Я была слишком ослеплена надеждой, чтобы увидеть бездну, которая разверзалась прямо за нашими спинами. Мне казалось, что впереди у нас — целая вечность.

А через неделю вечность закончилась. Мамы не стало.

В тот день, когда тишина в доме стала невыносимой, я открыла дневник. Я сидела в темноте, и мне казалось, что сами стены сжимаются вокруг меня. Я долго смотрела на чистую, безжалостно белую страницу, не в силах выпустить из себя ни единого звука.

Наконец, я заставила себя взять ручку. Мои пальцы дрожали, а буквы выходили кривыми и рваными. Я вывела всего одно предложение, которое стало моим первым и последним признанием миру:

«Я не знаю, как дышать в мире, где тебя больше нет».

Глава 1. Новенький

— Мира.

Голос папы вырвал меня из вязкого, полусонного забытья. Я открыла глаза. Он стоял у плиты — силуэт, подсвеченный жёлтым светом кухонной лампы, — и методично орудовал лопаткой.

— Если не спустишься через минуту, твои тосты станут частью интерьера, — в его тоне не было злости, только привычная, едва уловимая ирония.

— Уже иду!

Я втиснула ноги в носки, чувствуя, как босые ступни касаются прохладного дерева лестницы. Снизу тянуло домом: горьковатым ароматом кофе и чем-то тёплым, хлебным. Папа поставил передо мной тарелку, и этот жест — тихий, почти ритуальный — заставил меня на секунду замереть.

— Доброе утро.

— Доброе.

Я потянула кружку, стараясь не смотреть ему в глаза. В такие моменты тишина между нами была не пустотой, а чем-то осязаемым. Она была тяжелой, как старое одеяло, но уже не колючей. Мы научились дышать в этом пространстве вместе.

— Чай горячий, осторожно, — предупредил он.

Я сделала глоток. Обжигающая жидкость ударила по языку, заставив поморщиться.

— Всё-таки горячий?

Он усмехнулся, и в уголках его глаз собрались мелкие морщинки — карта прожитых лет и всех тех рабочих смен, что он провел в мастерской.

— Предупреждал же.

За окном Фолл-Крик тонул в серой мороси. Дождь не шел — он просто висел в воздухе, превращая мир в размытую акварель. Старый клён у дома раскачивался, словно пытаясь стряхнуть с себя лишнюю влагу.

— Сегодня задержусь, — сказал он, глядя на часы. — Пикап притащили. Хозяин клянется, что движок сдох, но я чую — дело в мелочи.

— Ты всегда так говоришь, — я улыбнулась, чувствуя странное тепло в груди.

— Потому что я почти всегда прав.

Мы ели молча. Это было наше общее убежище — тишина, в которой не нужно было оправдываться за свое состояние.

— Как школа? — спросил он, когда тарелка опустела.

— Нормально.

— «Нормально»... — он задумчиво повторил это слово, словно пробовал его на вкус. — Это диагноз или прогноз?

Я не ответила. Я просто поднялась за рюкзаком.

Перед зеркалом я увидела то, что старалась не замечать: тени под глазами, похожие на синяки от недосыпа, и волосы, которые жили своей, хаотичной жизнью. Я натянула серый свитер — безразмерный, уютный, как кокон. В нем бы-

ло проще прятаться от мира.

Но прежде чем выйти, я коснулась пальцами черной обложки дневника. Это была единственная вещь, которая действительно принадлежала мне. Единственная точка опоры.

— Мира! Шарф! — крик папы из коридора вернул меня в реальность.

— Я помню!

— Конечно, помнишь.

На улице холод впился в легкие. Город казался выцветшим, словно его слишком долго держали на солнце, а потом залили водой. Я шла к школе, впитывая запахи: мокрый асфальт, сырость, едва уловимый аромат свежей выпечки из пекарни.

Фолл-Крик всегда был слишком тихим. Слишком предсказуемым.

У самого входа мир вдруг качнулся. Резкий толчок в плечо — и я почувствовала, как тетрадь выскальзывает из пальцев. Она шлепнулась в грязную лужу с глухим звуком.

— Блин, извини! Опаздываю! — голос парня пронесся мимо, как случайный порыв ветра.

Он даже не обернулся. Он уже растворился в толпе, уходя к своим друзьям, к своей шумной, понятной жизни.

Я опустила на корточки и подняла тетрадь. Мокрый, испорченный уголок бумаги неприятно лип к пальцам. Ничего. Высохнет. Или нет.

— Мира!

Я обернулась. Хейли уже неслась ко мне, словно маленький, неудержимый вихрь, способный сбить с ног любого на своем пути.

— Ты опять в сером! — она остановилась передо мной, победно вскинув руки, будто совершила великое открытие.

Я невольно опустила взгляд на свой свитер. Ткань была мягкой, привычной, почти незаметной.

— А что с ним не так?

— Ничего. Кроме того, что он... — она замялась, подбирая слово, — бесцветный. Словно ты пытаешься слиться с туманом.

— Мне нравится сливаться с туманом, — тихо ответила я. В этом было что-то честное.

Хейли театрально закатила глаза, и этот жест был настолько привычным, что я невольно улыбнулась.

— Знаешь что? Когда-нибудь я всё-таки подарю тебе жёлтый свитер. Яркий, как солнце.

— Тогда я буду похожа на дорожный знак «Внимание», — парировала я.

Она рассмеялась. Её смех был громким, чистым, он разрезал утреннюю сырость, словно острое лезвие, и заставил нескольких проходящих мимо учеников обернуться.

— Иногда мне кажется, что ты смешнее меня, — выдохнула она, вытирая выступившую от смеха слезинку.

— Просто ты слишком много говоришь, Хейли. Ты заполняешь собой всё пространство.

— Неправда! — она на секунду замерла, изображая глубокую обиду, но в глазах плясали чертики. — Хотя... возможно.

Мы ввалились в здание школы, где воздух был пропитан запахом мела, дешевого парфюма и предвкушением чего-то нового. До звонка оставались считанные секунды. Мы успели буквально запрыгнуть в свои места, когда резкий, дребезжащий звук разрезал тишину коридоров.

Мистер Томпсон вошел в кабинет с тем видом, с каким входят на поле боя — методично, уверенно, неся в руках свою «броню»: толстую папку с документами. Он положил её на стол, и этот глухой звук ознаменовал начало нашего ежедневного ритуала.

— Доброе утро, — произнес он, оглядывая класс взглядом человека, который видел слишком много невыученных параграфов.

— Доброе утро, мистер Томпсон, — отозвались ученики, и этот хор был нестройным, как плохой оркестр.

Учитель снял очки, медленно протёр их краем рубашки и надел снова. Этот жест всегда действовал на нас успокаивающе — знак того, что порядок восстановлен.

— Надеюсь, за выходные вы успели соскучиться по истории?

— Нет! — с задних парт прилетел чей-то звонкий, беспардонный голос.

По классу прокатилась волна смеха. Даже лицо мистера

Томпсона на мгновение смягчилось, уголки губ дрогнули в едва заметной улыбке.

— Спасибо за честность, мистер Картер. Признаю, это было... прямолинейно.

Он открыл журнал, и шелест бумаги заполнил комнату.

— Но, к сожалению для вас, история соскучилась по вам гораздо сильнее.

Смех затих, уступая место привычному гулу. Учитель уже потянулся к мелу, когда в дверь постучали. Негромко, вежливо, но в этой тишине стук прозвучал как выстрел.

— Войдите.

В дверях показалась секретарь. Она сделала шаг в сторону, освобождая проход, и в класс вошло нечто, заставившее меня непроизвольно выпрямить спину.

— Простите, что прерываю, — её голос был дежурно-мягким. — Ваш новый ученик.

В классе воцарилась мертвая тишина. Я подняла голову. Рядом с секретарем стоял парень. Высокий, в темной куртке, которая еще хранила на своих плечах влажный блеск недавнего дождя. Он выглядел так, будто только что вышел из шторма, но при этом сохранял пугающее спокойствие.

Мистер Томпсон принял документы, кивнул. Секретарь исчезла, тихо прикрыв за собой дверь, оставив нас один на один с этим незнакомцем.

— Ребята, познакомьтесь, — учитель сделал паузу, словно взвешивая значимость момента. — Это Дэмиан Хейс. С

сегодняшнего дня он будет учиться вместе с вами.

Он повернулся к парню, ожидая стандартной речи.

— Дэмиан, может, расскажешь нам немного о себе?

Парень посмотрел на учителя. Его взгляд был прямым, лишенным той суетливой вежливости, которую обычно проявляют новенькие.

— Меня зовут Дэмиан, — произнес он.

И всё. Коротко. Отрезанно. Как будто он не представлял-ся, а просто констатировал факт своего существования.

В классе повисла пауза. Кто-то неловко хихикнул, пыта-ясь разрядить это странное напряжение. Мистер Томпсон кашлянул, пытаясь вернуть контроль над ситуацией.

— Что ж... имя мы уже узнали. Достаточно для начала.

Снова пробежал смешок, более легкий, чем прежде.

— Тогда можешь занять свободную парту у окна.

— Спасибо.

Дэмиан кивнул — коротко, почти официально — и пошел между рядами. Он не оглядывался, не изучал лица, не пытал-ся найти глазами знакомые черты. В его движениях не было смущения, только какая-то странная, отстраненная уверен-ность. Будто этот класс был лишь очередной остановкой в маршруте, который его не особо интересовал.

Когда он проходил мимо моей парты, я почувствовала это. Резкий, необъяснимый холодок, пробежавший по позвоноч-нику. Я машинально поежилась, словно сквозняк ударил в спину. Но окно было плотно закрыто.

Дэмиан сел на последнюю парту. Он положил рюкзак и только тогда поднял голову.

Наши взгляды встретились.

Это длилось всего мгновение, но мне показалось, что время замедлилось. Его глаза были серыми. Но не такими, как мой свитер или дождливое небо за окном. Они были серыми, как сталь или холодное море перед бурей. В них не было ни любопытства, ни неловкости. Только глухое, бездонное спокойствие. Оно не успокаивало. Оно пугало.

Я первая отвела взгляд, чувствуя, как к щекам приливает жар.

— Итак, откройте учебники на сто двадцать четвертой странице, — голос мистера Томпсона вернул меня в реальность.

Зашелестела бумага. Я пыталась сосредоточиться, но буквы в учебнике расплывались. Мой взгляд, вопреки воле, снова метнулся к последней парте. Он сидел неподвижно, словно изваяние. Казалось, он не слушает учителя, а просто присутствует в этом пространстве, находясь где-то далеко за его пределами.

Звонок прозвучал как избавление. Класс взорвался шумом: скрип стульев, выкрики, топот.

Я начала убирать вещи, когда Хейли, сидевшая рядом, толкнула меня локтем. Её глаза сияли.

— Ну?

— Что «ну»?

— Видела новенького?

— Видела.

— Симпатичный, да? — она мечтательно прикусила губу.

Я пожала плечами, стараясь скрыть странное беспокойство.

— Наверное.

— «Наверное»? Ты серьезно? Мира, он же просто... — она осеклась, бросив взгляд на дверь. — Если сегодня на перемене он будет один, я подойду познакомиться.

Я тихо усмехнулась, хотя внутри всё еще что-то ныло.

— Ты почти про каждого новенького так говоришь.

— Неправда! — она притворно возмутилась, но тут же добавила: — Хотя... ладно, иногда.

— Только не напугай человека в первый же день, — предупредила я.

— Я? Напугать? — она выпрямилась, принимая свою самую «очаровательную» позу. — Да я — само воплощение дружелюбия.

Мы вышли в коридор. Шум школы накрыл нас с головой: удары дверцев шкафчиков, беготня, бесконечный гул голосов. Но даже в этом хаосе я всё ещё чувствовала на себе тот странный, холодный взгляд из конца класса. Я замерла у своего шкафчика, пытаюсь совладать с заевшим замком. Внезапно Хейли, стоявшая рядом, подалась вперед и прошептала так тихо, что я едва расслышала:

— Вот он.

Я подняла голову. Дэмиан шел по коридору. Он двигался сквозь толпу, как корабль сквозь мелкую рябь — спокойно, размеренно, словно люди вокруг были лишь декорациями, не заслуживающими его внимания. В его одиночестве не было слабости, только странная, почти пугающая автономность.

Хейли судорожно поправила волосы, и я заметила, как она на секунду затаила дыхание.

— Пожелай мне удачи, — выдохнула она.

— Удачи, — отозвалась я, чувствуя, как внутри шевельнулось необъяснимое беспокойство.

Она сделала шаг вперед, врываясь в его личное пространство с той уверенностью, которая была присуща только ей. Я не собиралась подслушивать — честно, не собиралась. Но они оказались слишком близко, и их голоса, разрезая гул коридора, долетали до меня, как обрывки радиопередачи.

— Привет! — Хейли сияла, как утреннее солнце. — Я Хейли.

Дэмиан остановился. Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни тепла, ни враждебности. Только вежливая пустота.

— Дэмиан.

— Это я уже поняла, — Хейли не растерялась, её смех был коротким и легким. — Ты только вчера приехал?

— Да.

— И как тебе Фолл-Крик? — она кивнула на серые окна,

за которыми не прекращался дождь.

Он на мгновение замер, переведя взгляд на стекло. Капли стекали по нему, оставляя кривые дорожки.

— Пока не понял, — ответил он. Его голос был низким и ровным, без единой лишней интонации.

— Надеюсь, привыкнешь, — Хейли улыбнулась, и в этой улыбке было столько искреннего участия, что мне стало почти неловко за неё.

Он коротко кивнул.

— Спасибо.

Пауза повисла между ними, тяжелая и неуклюжая. Я видела, как Хейли на секунду замешкалась, подбирая слова, но Дэмиан, казалось, уже мысленно был в другом месте.

— Ну... тогда увидимся, — закончила она.

— Возможно.

Он двинулся дальше, не оборачиваясь. Хейли вернулась ко мне, и всё её боевое высокомерие мгновенно испарилось. Она тяжело выдохнула, облокотившись на соседний шкафчик.

— Ну? — я выждала паузу.

— Кажется, впервые в жизни мой монолог закончился быстрее, чем я успела придумать следующую фразу, — она выглядела слегка ошеломленной.

Я невольно рассмеялась.

— Он просто не очень разговорчивый.

— Это я уже заметила, — она с силой захлопнула дверцу

шкафчика. — Но всё равно... чертовски красивый.

В этот момент чей-то голос вырвал меня из раздумий.

— Мира!

Я обернулась. К нам быстрым, немного суетливым шагом шел Ноа. Его русые волосы, как всегда, жили своей жизнью, торча в разные стороны, а рюкзак, висевший на одном плече, опасно накренился. В руках он сжимал синюю ручку.

— Это, кажется, твоя, — он протянул её мне.

Я удивленно взглянула на предмет.

— Где ты её нашёл?

— На полу. Она выпала у тебя в начале урока, когда ты... ну, когда доставала тетрадь.

Я забрала ручку, коснувшись его пальцев. Они были теплыми — полная противоположность тому холоду, который я почувствовала рядом с Дэмианом.

— Спасибо, Ноа.

— Не за что, — он неловко переступил с ноги на ногу, и я заметила, как он теребит край своей толстовки. Он явно хотел сказать что-то еще. — Кстати... ты сделала домашнее по алгебре?

Я тихо усмехнулась.

— Нет.

— Отлично! — его лицо просияло, и он виновато улыбнулся.

— Почему «отлично»?

— Значит, не только я провалил этот вечер, — признался

он.

Я рассмеялась, и это было легко. С Ноа всегда было легко. Он не пытался казаться кем-то другим, не строил из себя загадку. Он был просто Ноа.

— Ну... я постараюсь хотя бы не уснуть на уроке, — добавил он, когда возникла пауза. — Ладно, увидимся.

— Пока.

Когда он ушел, Хейли проводила его взглядом, в котором читалось явное неодобрение.

— Только не говори, что ты опять ничего не заметила, — в её голосе зазвучали стальные нотки.

— Не заметила чего?

— Ноа уже который месяц ищет любой, даже самый нелепый повод, чтобы просто оказаться в твоём радиусе.

— Перестань, Хейли. Он просто вернул мне ручку.

— Ага, — она прищурилась. — И «случайно» запомнил, что она именно твоя, а не просто синяя пластиковая штука.

Я пожала плечами, хотя внутри что-то предательски ёкнуло.

— Он просто внимательный.

— Нет, Мира. Внимательный — это один. А влюбленный — совсем другое.

— Тогда что?

Она посмотрела на меня с какой-то странной, почти взрослой серьезностью.

— Просто однажды ты сама всё поймешь.

Я ничего не ответила. Я лишь крепче сжала синюю ручку в ладони и убрала её в карман, пытаясь избавиться от странного чувства, будто между двумя полюсами — холодным Дэмианом и теплым Ноа — я медленно нахожусь на линии разлома.

Столовая встретила нас привычным хаосом: лязгом подносов, гомоном сотен голосов и тяжелым запахом жареного и дешевого соуса. Мы медленно продвигались в очереди.

— Сегодня хотя бы пахнет съедобно, — заметила Хейли, с подозрением заглядывая в паровую кастрюлю.

— Это уже прогресс, — согласилась я.

Хейли вдруг замерла и легонько толкнула меня локтем в бок.

— Смотри.

Я проследила за её взглядом. В самом дальнем углу, в тени, за одним из столов сидел Дэмиан. Он был один. Окруженный невидимым барьером, который заставлял других обходить его стороной.

Но тишина длилась недолго. К нему подошла девушка. Она двигалась с такой грацией, будто под её ногами был не линолеум столовой, а зеркальная гладь озера. Светлые, почти платиновые волосы были стянуты в безупречный высокий хвост. Бледная, почти прозрачная кожа и серые глаза — такие же, как у него — делали её похожей на фарфоровую куклу, которую случайно забыли в этом шумном месте.

Она была одета в светло-бежевый свитер, который казал-

ся слишком дорогим для этой школы, и темную юбку. В ней чувствовалось спокойствие, но это было не то уютное спокойствие, которое бывает у людей, а холодное, величественное безмолвие.

— Девушка? — шепотом спросила Хейли.

Я не ответила. Я наблюдала за тем, как незнакомка что-то сказала Дэмиану. И в этот момент случилось то, чего я никак не ожидала.

Он улыбнулся.

Это не была дежурная усмешка. Улыбка была короткой, едва заметной, но она была... теплой. Настоящей. В ней было столько жизни, сколько я не увидела в нем за весь урок. Это было почти преступление — видеть его таким.

— Нет, — прошептала Хейли, и её голос дрогнул. — Наверное, сестра.

— Почему ты так решила?

— Посмотри на них, Мира.

Я снова всмотрелась в ту точку в конце зала. Сходство было пугающим. Не просто похожие глаза или кожа. Это было ощущение родства, какая-то общая частота, на которой они вибрировали. Даже то, как они сидели — одинаково прямо, одинаково отстраненно — говорило об этом.

Девушка принялась за еду, совершая изящные, почти механические движения. Дэмиан лишь слегка подвинул свой поднос ближе, но к еде так и не притронулся.

Я нахмурилась. Внутри шевельнулось неприятное чув-

ство. Может, он просто не голоден? Или школьная еда кажется ему ниже его достоинства?

Но в глубине души я понимала: дело не в еде. Дело было в том, что этот мир, в который вошел Дэмиан, казался мне всё более и более чужим.— Ты опять задумалась, — голос Хейли выдернул меня из оцепенения.

— Что?

— Суп остынет.

Я моргнула и опустила взгляд на свой поднос. Пар над тарелкой уже перестал подниматься. Я улыбнулась, чувствуя себя немного нелепо.

— Точно. Спасибо.

Остаток учебного дня пролетел в каком-то тумане. Время словно растягивалось, превращаясь в бесконечную череду скучных лекций и шороха тетрадей. Когда, наконец, прозвенел последний звонок, школа, застывшая в тишине, словно взорвалась. Ученики шумной, неуправляемой толпой выплеснулись на улицу.

Мы с Хейли медленно спускались по широким ступеням, подстраиваясь под общий ритм. Воздух после дождя был свежим и колючим.

— Не забудь написать мне вечером, — бросила она, накидывая рюкзак на плечо.

— Если не усну раньше.

— Ты всегда так говоришь, — она фыркнула, но в глазах блеснула теплота.

— Потому что это правда.

Она рассмеялась, и этот звук, звонкий и живой, помог мне окончательно стряхнуть оцепенение.

— Пока!

— Пока.

Хейли скрылась в толпе, направляясь к школьному автобусу, а я побрела в одиночестве, решив не спешить.

Возле парковки царил хаос: резкие звуки автомобильных сигналов, выкрики родителей, гул разговоров. Но среди этого шума мой взгляд непроизвольно зацепился за нечто ино-
родное.

Черный Range Rover. Он стоял чуть в стороне от общего потока, хищно и вызывающе, словно само его присутствие здесь было ошибкой. Машина блестела даже под серым небом, выглядя так, будто её только что выкатили из стерильного шоурума.

Возле неё стояли двое. Девушка-фарфоровая кукла и высокий парень. Он был заметно выше Дэмиана, с такими же темными волосами, но в его осанке чувствовалась иная энергия — более тяжелая, уверенная. На нем была простая черная футболка и темная куртка, но то, как он держался, выдавало в нем человека, привыкшего к пространству, которое принадлежит ему по праву.

Они о чем-то тихо переговаривались, и их голоса тонули в шуме парковки, но само их присутствие создавало вокруг машины невидимый вакуум.

В этот момент двери школы распахнулись, и вышел Дэмиан. Девушка тут же заметила его. Её лицо преобразилось — она улыбнулась, и эта улыбка была такой же безупречной, как и её облик.

Дэмиан подошел к ним. Высокий парень что-то сказал ему — коротко, буднично, — и Дэмиан лишь едва заметно кивнул.

Я застыла, не в силах отвести глаз. С расстояния в несколько метров их сходство стало почти пугающим. Это не было просто семейным сходством. Это было сходство на уровне самой структуры — та же невозмутимость, та же холодная грация, та же манера занимать пространство, не делая лишних движений. Они казались частью одного целого, сотворенного из другого, более дорогого и правильного материала.

Дэмиан открыл заднюю дверь. Она села внутрь, а высокий парень занял место за рулём. Двигатель отозвался низким, едва уловимым рокотом, и внедорожник, словно огромная чёрная тень, плавно и бесшумно скользнул прочь со школьной парковки.

Я ещё несколько секунд смотрела на пустую дорогу, чувствуя странное послевкусие — будто я только что увидела кадр из фильма, который мне не положено смотреть.

— Мира!

Я вздрогнула. Ноа стоял всего в паре шагов, и его присутствие мгновенно вернуло меня в реальность.

— Ты домой? — спросил он, и в его голосе промелькнуло легкое беспокойство.

Я моргнула, пытаясь избавиться от образа черного автомобиля.

— Да.

— Тогда... может, немного пройдемся вместе? — он замялся, и эта его неловкость сейчас показалась мне удивительно правильной. Она была настоящей.

— Конечно.

Мы пошли по тротуару. Первые несколько минут мы молчали, и это молчание не было давящим. Оно было мягким, как осенний туман. Ноа шел рядом, засунув руки в карманы своей поношенной толстовки, и я невольно поймала себя на мысли, что его присутствие успокаивает.

— Слышал, мистер Томпсон собирается устроить контрольную на следующей неделе, — нарушил он тишину.

Я тяжело вздохнула, глядя на мокрый асфальт.

— Не напоминай.

— Я тоже не в восторге, — он улыбнулся, и в уголках его глаз появились добрые морщинки. — Хотя, если честно, я всё равно ничего не понимаю в истории.

— Это заметно, — я не удержалась от подколки.

Он театрально прижал руку к сердцу, изображая глубокую рану.

— Жестоко, Мира. Просто жестоко.

Я тихо рассмеялась. С Ноа всё было просто. Не нужно бы-

ло подбирать маски, не нужно было гадать, что он подумает. С ним не нужно было «соответствовать».

На перекрестке мы остановились. Шум машин здесь был громче.

— Мне сюда, — он указал на соседнюю улицу, где дома стояли плотнее, а деревья были старше.

— А мне прямо.

Он кивнул. На секунду мне показалось, что он задержит взгляд на мне чуть дольше обычного, будто собираясь произнести что-то важное. Но он лишь коротко улыбнулся.

— Тогда... до завтра.

— До завтра.

Я проводила его взглядом и пошла дальше. Дождь снова начал моросить, превращаясь в мелкую, неприятную изморось. Я натянула капюшон пониже и прибавила шаг, пытаюсь согреться.

Через десять минут я увидела свой дом. Во дворе, под тусклым светом фонаря, стоял папин старенький пикап. Его облупившаяся краска и знакомый запах бензина, который, казалось, пропитал даже воздух вокруг, подействовали на меня умиротворяюще.

Папа вернулся раньше. Значит, вечер будет спокойным. Я толкнула тяжелую входную дверь, впуская в прихожую запах сырости и осени.

— Пап, я дома! — крикнула я, стягивая промокшие кроссовки.

— На кухне! — отозвался его голос, гулкий и спокойный, просочившийся сквозь коридор.

Из кухни доносился божественный, почти забытый в суете учебного дня аромат: жареная картошка, щепотка специй и домашний уют. Папа стоял у плиты, сосредоточенно помещивая содержимое сковороды. Свет над столом был тёплым, желтоватым, создавая островок безопасности посреди серого вечера.

— Как прошёл день? — спросил он, не оборачиваясь, но я видела по его плечам, что он сразу заметил моё возвращение.

Я бросила рюкзак на стул, чувствуя, как усталость наваливается на плечи.

— Нормально.

Он повернулся, опершись бедром о край столешницы, и посмотрел на меня поверх плеча. Его взгляд был пронизательным — тем самым взглядом, от которого невозможно ничего утаить.

— По твоему лицу вижу: произошло что-то интереснее обычного.

Я невольно улыбнулась, чувствуя, как внутри шевельнулось легкое раздражение от того, что меня так легко «прочитать».

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я твой отец, — он подмигнул мне.

Я тихо рассмеялась, и это было первое искреннее чувство за весь день.

— Сегодня к нам перевели новенького, — сказала я, стараясь придать голосу безразличие.

— Вот как? — Папа чуть приподнял бровь. — И как он?

Я замолчала. В голове, вопреки моей воле, всплыл образ: серые, как грозовое небо, глаза, которые смотрели сквозь людей, а не на них.

— Не знаю... — выдохнула я.

Папа выключил плиту, и в кухне на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только шипением масла.

— Это самый странный ответ, который я слышал за последнее время, — заметил он, ставя передо мной тарелку с дымящейся едой.

— Просто... не знаю, пап. Честно.

— Значит, ещё успеешь узнать, — он мягко улыбнулся, но в его глазах промелькнула тень задумчивости. После ужина мы занимались привычным ритуалом. Папа мыл посуду, мерно стуча тарелками о раковину, а я вытирала их мягким полотенцем.

— Кстати, — произнес он, глядя на пар от горячей воды. — В субботу никуда не собираешься?

— Пока нет. А что?

— Может, съездим на озеро? Давно там не были, а воздух там сейчас, должно быть, просто невероятный.

Я улыбнулась. Мысль о прогулке у воды казалась правильной.

— Давай.

— Только если дождя не будет, — добавил он с легким вздохом.

Я перевела взгляд на окно. Капли дождя методично, словно метроном, барабанили по стеклу, вычерчивая неровные дорожки.

— Тогда шансы невелики.

Папа тихо рассмеялся.

— Тоже верно.

Пожелав ему спокойной ночи, я поднялась в свою комнату. Здесь было тихо. Единственным звуком был монотонный стук дождя по подоконнику — звук, который всегда помогал мне уснуть, но сегодня он казался каким-то тревожным.

Я переоделась в старую домашнюю футболку и зажгла настольную лампу. Свет выхватил из темноты привычный беспорядок на столе. На самом краю лежал он — мой чёрный дневник. Ни рисунков, ни наклеек, ни лишних деталей. Просто плотная черная обложка, в которой я хранила свои мысли.

Я открыла последнюю страницу. Покрутила ручку в пальцах, глядя на ослепительно белый лист. Секунда, две... В груди возникло странное беспокойство, которое требовало выхода.

7 сентября.

Сегодня в наш класс перевели новенького. Дэмиан Хейс. Все сразу начали обсуждать, какой он красивый. Наверное, так и есть.

Но почему-то я запомнила совсем другое. Он почти не двигался на уроке, словно был сделан из камня. В столовой перед ним стоял полный поднос, но он так ничего и не съел. Зато улыбнулся своей сестре. У него красивая улыбка. Со всем не такая, какой я ожидала.

Я перечитала написанное. Обычно слова приносили облегчение, выплёскивая тяжесть из души. Но сегодня... сегодня слова казались пустыми. Будто я пыталась описать что-то, для чего у меня не хватало красок.

Я закрыла дневник и медленно провела ладонью по прохладной обложке.

За окном дождь усилился. Капли одна за другой ударялись о стекло с нарастающей силой. Я выключила лампу и легла в кровать, погружаясь в густую, непроглядную темноту. Сон пришёл быстро, тяжёлый и безрадостный.

Где-то далеко за чертой города, там, где заканчивались дороги и начиналась глушь, дождь шумел в кронах вековых со-сен.

Дэмиан стоял на опушке леса. Он был абсолютно неподвижен, словно часть пейзажа, статуя, забытая богами. Запрокинув голову, он смотрел в бездонное, чёрное небо, в котором не было ни звёзд, ни луны.

Первые холодные капли коснулись его лица, но он даже не вздрогнул. Он просто закрыл глаза, впитывая эту холодную пустоту.

Ветер взывал в верхушках деревьев, заставляя лес стонать. Вокруг не было ни души — ни людей, ни звуков цивилизации. Только тьма и шёпот листвы.

Через мгновение Дэмиан сделал шаг вперед.

Он не пошёл вглубь леса — он просто перестал существовать в этом пространстве. Он растворился в темноте, оставив после себя лишь лёгкое дрожание воздуха, будто его там никогда и не было.

Глава 2. Наблюдатель

Дождь прекратился незадолго до рассвета, оставив после себя лишь тяжёлую влажность и запах прелой листвы. Мокрый асфальт под колёсами блестел, отражая тусклый, болезненно-жёлтый свет редких фонарей. Чёрный внедорожник медленно разрезал утреннюю мглу, двигаясь по почти пустой дороге. За окном, словно кадры старой киноплёнки, проплывали очертания старых домов, придорожные магазины и застывшие, как стражи, силуэты сосен.

Фолл-Крик просыпался неторопливо. Город казался сонным, застывшим в вечном ожидании чего-то, что никогда не наступит.

Я молча наблюдал. Каждый новый город начинался одинаково — с липкого ощущения, что ты здесь лишний. Чужак, зашедший не в ту дверь. Сначала это чувство режет, заставляет оглядываться, а со временем оно просто становится частью тебя, как старая кожа, которую ты перестаёшь замечать. Когда-то я пытался коллекционировать первые впечатления, записывал детали, ловил запахи и звуки, но потом перестал. Годы стирали всё, оставляя лишь смутную, серую тень воспоминаний.

Фолл-Крик казался слишком тихим. Слишком... правильным.

За рулём сидел Калёб. Он негромко постукивал пальцами по кожаной оплётке руля, попадая в едва уловимый ритм музыки, доносившейся из колонок. Элис сидела на пассажирском сиденье, уставившись в окно. Она старалась сохранять маску спокойствия, но я видел её насквозь. Она нервничала. Я заметил, как она уже в третий раз поправила рукав свитера, натягивая его чуть выше запястья. Это был её невидимый ритуал, её способ спрятаться от мира.

Я едва заметно улыбнулся — не от радости, а от того, насколько предсказуемы были эти проявления человеческой тревоги.

— Всё будет нормально, — произнёс я. Мой собственный голос показался мне чужим в тишине салона.

Элис вздрогнула и повернула ко мне голову. В её глазах на секунду мелькнула надежда, которую она тут же попыталась подавить.

— Думаешь?

— Знаю, — ответил я. Коротко. Без лишних эмоций.

Калёб хмыкнул, не отрывая взгляда от дороги. Его профиль в свете пролетающих мимо фонарей казался высеченным из камня.

— Через неделю ты будешь знать всех по именам, — бросил он, словно констатируя скучный факт.

— И это должно меня успокоить? — Элис попыталась вернуть себе ироничный тон, но голос слегка дрогнул.

— Нет, — Калёб усмехнулся, и в этой усмешке не было

тепла, только привычный скепсис. — Тогда просто поверь.

Элис тихо фыркнула и снова отвернулась к окну. Я покачал головой. Иногда мне казалось, что Кaleb способен превратить в шутку даже катастрофу. Наверное, именно эта его способность — делать хаос обыденным — и была единственным, что позволяло нам сохранять подобие нормальной жизни.

Машина свернула к школьной парковке. Высокое кирпичное здание выплыло из утренней дымки, напоминая неприступную крепость. Я ещё несколько секунд смотрел на него. Очередная школа. Я давно перестал вести счет. Но почему-то именно сегодня внутри шевельнулось странное предчувствие: будто этот город решит задержаться в нашей жизни чуть дольше остальных.

Кaleb заглушил двигатель. Несколько секунд в салоне царила вязкая, тяжелая тишина. Элис первой нарушила её.

— Ну... — Она сделала глубокий, судорожный вдох. — Пора.

— Именно, — кивнул Кaleb, маскируя сочувствие за привычной резкостью. — Удачи.

Элис лишь покачала головой и вышла из машины. Я последовал за ней. Как только дверь открылась, прохладный воздух ударил в лицо, принося с собой калейдоскоп запахов: мокрая хвоя, свежая выпечка из соседнего кафе, резкий аромат бензина и дождя... И едва уловимый, почти призрачный запах ржавого железа, тянущийся от старой водонапорной

башни за школой. Я мысленно зафиксировал его. На всякий случай.

Парковка уже ожила. Ученики спешили к дверям: кто-то смеялся, кто-то сонно вцепился в бумажный стаканчик с кофе, а кто-то жаловался на понедельник с таким видом, будто это была мировая катастрофа. Я невольно усмехнулся. Когда я впервые переступал порог школы, учителя носили сюртуки и пороли учеников линейками. Сейчас — кофе и экзистенциальный кризис из-за начала недели. Прогресс, определённо, был.

Я сделал медленный вдох и такой же медленный выдох. Привычка, которую Адриан вбил в меня ещё в самом начале: никогда не торопиться в первый день в новом месте. Двигайся плавно. Будь тенью, а не мишенью.

— Идём? — спросила Элис.

Я коротко кивнул. Мы направились к главному входу. У самого крыльца сестра едва заметно замедлила шаг, словно перед прыжком в воду. Я не стал произносить банальностей — просто слегка коснулся её плеча. Совсем ненадолго. Этого хватило. Она улыбнулась уголками губ и уверенно шагнула внутрь.

В холле стоял гул. Ученики сновали мимо, обсуждая выходные и планы на вечер. Для большинства это было обычное утро. Для нас двоих — обнуление.

У дверей нас уже ждала женщина лет пятидесяти: невысокая, с короткой стрижкой каштановых волос и той kind-

looking улыбкой, которая обычно служит щитом для школьных секретарей.

— Доброе утро. Вы, должно быть, семья Хейс?

Я протянул руку:— Всё верно.

— Миссис Грей, — она тепло улыбнулась. — Добро пожаловать в Фолл-Крик.

— Спасибо, — ответил я.

Эти слова я слышал десятки раз. *Добро пожаловать. Новый дом. Новая жизнь.* Когда-то они имели вес. Теперь — лишь пустая формальность.

Миссис Грей жестом пригласила нас следовать за ней. Мы шли по длинному коридору. На стенах — застывшие улыбки выпускников и гордые лица спортивных команд. Я скользнул взглядом по фотографиям. Лица. Уверенность. Почти каждый на этих снимках верил, что эта школа и этот город — центр их вселенной.

Сколько из них сейчас счастливы? Я тут же отогнал эту мысль. Слишком философски для восьми утра.

— Это ваше расписание, — сказала миссис Грей, протягивая нам листы.

— Спасибо, — отозвалась Элис.

Секретарь внимательно посмотрела на неё, и в её взгляде промелькнуло что-то вроде материнской жалости:— Первый день всегда кажется самым сложным. Но поверь, через пару дней ты будешь чувствовать себя здесь как дома.

— Надеюсь, — вежливо ответила сестра.

Я наблюдал за ней. Она нервничала. Совсем чуть-чуть, на грани восприятия, но я знал её слишком хорошо. Каждый раз перед переездом она становилась тише. И каждый раз через неделю снова расцветала, будто всегда жила здесь. Наверное, именно этому я всегда немного завидовал. Элис умела отпускать прошлое. Я же тащил его за собой, как невидимый шлейф.

— Начнём с истории, — миссис Грей сверилась с листами. — Мистер Томпсон не будет против.

Я кивнул. Коридоры стремительно пустели. Шум холла сменился приглушённым гулом из-за закрытых дверей. Я люблю этот момент: когда хаос отступает перед порядком. Когда мир сужается до размеров учебного класса.

Мы остановились перед дверью. Миссис Грей коротко постучала.

— Войдите.

Дверь открылась, и она шагнула в сторону, освобождая путь.

— Простите, что прерываю, — произнесла она. — Ваш новый ученик.

Класс затих мгновенно. Двадцать пар глаз впились в меня. Мистер Томпсон, не отрываясь от бумаг, сухо произнес:

— Спасибо.

Шепот за спиной колот уши. Я скользнул взглядом по лицам — они сливались в однообразную массу. Я знал: к пятнице запомню каждого. Но сейчас они были просто чужими.

Почти.

Я сел на последнюю парту. Стул отозвался коротким, резким скрипом. Поставил рюкзак на пол и окинул кабинет. Старые шкафы, карта мира у доски, пожелтевшие портреты... В каждой школе одно и то же. Иногда мне казалось, что кабинеты живут собственной жизнью. Поколения уходят, учителя стареют, стены перекрашивают, но класс истории всегда остаётся классом истории — немым свидетелем чужих судеб.

На предпоследней парте у окна сидела девушка. Серый свитер, тёмные волосы, собранные в низкий хвост. Она не шепталась с соседками и не вытягивала шею, пытаясь разглядеть новенького. Она просто смотрела. Спокойно. Будто я был книгой, которую она пыталась прочитать, не открывая обложки.

Наши взгляды встретились.

Она не отвела глаз сразу. Секунду мы смотрели друг на друга, и в этот момент шум класса — смех, шуршание бумаги, приглушённые голоса — словно отошёл на второй план, уступая место странной, густой тишине. Я не знал, что она видит во мне, но почему-то не хотел отступать первым.

Она сделала это сама.

Без смущения. Без тени улыбки. Просто отвернулась к доске, будто ничего не произошло.

— Итак... — голос учителя вернул реальность. — Продолжаем.

Мел застучал по доске. Мистер Томпсон говорил спокойно, без лишнего пафоса. Таких учителей уважают: даже самые отбитые хулиганы при их присутствии притихают.

Я открыл тетрадь. Чистый, ослепительно белый лист. Вывел дату — аккуратно, выверенным почерком. Замер. Когда-то я любил новые тетради. Казалось, с ними начинается что-то чистое. Что-то новое.

Я снова глянул на неё. Она уже писала — сосредоточенно, быстро, уверенно. Слово того короткого визуального контакта вообще не существовало.

Перед звонком я закрыл тетрадь и вышел одним из первых.

В коридоре было непривычно людно. У шкафчиков теснились толпы: кто-то громко смеялся, кто-то яростно спорил из-за домашнего задания. Я шёл сквозь этот хаос, сохраняя внутренний штиль. Шум постепенно стихал — большинство учеников уже разбежались по кабинетам.

В голове крутился образ Хейли, кажется. Странная. Обычно люди ждут. Разглядывают издали, обсуждают за спиной, выстраивают теории о твоём происхождении. И только когда любопытство перевешивает осторожность, они решаются подойти.

Хейли не стала ждать. Она просто подошла. Будто для неё это было самым очевидным решением в мире. Смело. И чертовски странно.

К обеду школа окончательно ожила. Столовая встретила

меня привычным штормом: звоном посуды, гулом сотен голосов и густым запахом свежей выпечки. Я взял поднос: тарелка, стакан воды, салфетки. Со стороны — обычный ученик. Я выбрал свободный столик у окна.

Вокруг почти не осталось мест. Я просто слушал. Людям свойственно становиться пугающе искренними во время обычного обеда, когда они думают, что их никто не анализирует.

Через несколько минут напротив меня с грохотом поставили поднос.

— Не успела, — выдохнула Элис, опускаясь на стул. — Очередь была просто безумная.

Я едва заметно улыбнулся. — Заметно.

Она прищурилась, глядя на мой поднос. — Опять? — Что именно? — Ты хотя бы иногда делай вид, что поел.

— Я и делаю. — Очень неубедительно.

Я чуть подвинул поднос ближе к себе. — Теперь лучше?

Элис внимательно посмотрела на меня, оценивая степень моей «нормальности». — Намного.

Я усмехнулся. — Так и знала, что ты издеваешься, — она покачала головой. — Совсем немного.

Элис отпила сок и вдруг посерьезнела. — Ну? — Что? — Первый день. — Спокойно. — Только спокойно? — Угу. — Скудный ты, — она улыбнулась. — Знаю.

Я улыбнулся в ответ — чуть заметнее, чем обычно. Наверное, только Элис могла превратить это в комплимент. Она

принялась за еду, и мы замолчали. Это было то самое молчание, которое бывает только между людьми, знающими друг друга вечность: оно не давит, оно просто есть. Элис ела, изредка поглядывая по сторонам, а я продолжал наблюдать за столовой. В какой-то момент Элис вдруг замерла, перестав жевать.— Не смотри, — негромко произнесла она.— Куда?— Назад. Я перевел взгляд на сестру. На ее губах играла едва заметная, понимающая улыбка. Я тяжело вздохнул.— Элис...— Я серьезно, — она сделала глоток сока, не сводя с меня глаз. — Через три секунды.

Я выдержал паузу, а затем спокойно обернулся. В паре столов от нас сидели две девушки. Хейли и та самая — в сером свитере, с тёмно-русыми волосами. Одна из них тут же отвела взгляд, столкнувшись со мной глазами.— Видел? — прошептала Элис.— Угу.— Она уже несколько раз на тебя смотрела.— Может, тебе показалось.

Элис тихо фыркнула.— Мне? — Она покачала головой.— Дэм, я художник. Я вижу не только *куда* люди смотрят, но и *как*. Я снова уткнулся в поднос.— Она просто любопытная.— Возможно.

Элис не стала спорить, но и улыбка не сошла с ее лица. А я поймал себя на странном ощущении: мне самому стало любопытно. Это было непривычно. Обычно подобные мысли не задерживались в моей голове дольше пары секунд.

Следующие уроки прошли буднично. Новизна постепенно стиралась, превращаясь в привычный фон. Учителя об-

ращались ко мне не чаще, чем к остальным, одноклассники перестали оглядываться. Так было легче.

На химии я занял место у окна. Пока учитель увлечённо выводил на доске бесконечные ряды формул, я делал записи, стараясь не отвлекаться. За стеклом медленно качались верхушки старых елей. Небо затянуло серыми тучами; дождь то начинал настойчиво стучать по подоконнику, то внезапно стихал.

На перемене я снова увидел ее. Она стояла у окна вместе со светловолосой подругой. Хейли что-то увлечённо рассказывала, смеясь, а девушка в сером лишь слегка, почти неуловимо улыбалась в ответ. Я прошёл мимо, не замедляя шага. Чужие разговоры никогда не входили в круг моих интересов.

Но уже сворачивая за угол, я невольно вспомнил слова Элис: *«Она уже несколько раз на тебя смотрела»*. Я невольно усмехнулся. — Любопытная... — едва слышно произнёс я и тут же выбросил эту мысль из головы.

Впереди был последний урок.

Последний звонок прозвенел неожиданно быстро. Класс мгновенно наполнился шумом: кто-то с облегчением вздыхал, кто-то уже обсуждал домашнее задание. Я спокойно убрал тетрадь в рюкзак. Первый день подошёл к концу — быстрее, чем я ожидал.

В коридоре на меня больше не обращали внимания. Любопытство публики испарилось, как и должно быть.

Я неспешно спустился по лестнице и вышел на улицу.

Воздух стал ощутимо холоднее. Асфальт, ещё влажный после дождя, блестел под серым небом. Школьная парковка стремительно пустела.

У черного внедорожника уже стояла Элис. Прислонившись плечом к машине, она увлечённо работала карандашом в скетчбуке. Калеб стоял рядом, сложив руки на груди и наблюдая за дорогой.— Ну как первый день? — спросил он, заметив моё приближение.— Нормально.— Очень подробный рассказ, — хмыкнул Калеб.— Ты другого ожидал?— Нет, именно такого.

Я подошёл к сестре.— Что на этот раз? Она молча развернула ко мне блокнот. На странице проступали очертания школьного двора: высокие сосны, входная группа, несколько фигур у парковки. Работа была еще в процессе.— Красиво, — тихо сказал я. Элис довольно улыбнулась.— Почти закончила.

В этот момент взгляд Калеба на секунду замер где-то за нашими спинами. Он прищурился, словно уловив что-то в толпе или в движении машин, но через пару секунд, словно опомнившись, открыл водительскую дверь.— Поехали домой.

Дорога пролетела незаметно. Дом встретил нас привычной, обволакивающей тишиной. Стоило переступить порог, как из кухни донёсся голос Виктории:— Вы уже дома?— И даже живы! — громко отозвался Калеб, стягивая куртку.— Не драматизируй, — с улыбкой сказала Виктория, выходя в

прихожую. Она окинула нас внимательным взглядом. — Ну? Как прошёл первый день?

Элис улыбнулась первой. — Неплохо. — Уже успела что-нибудь нарисовать? Вместо ответа Элис протянула ей скетчбук. Виктория замерла на несколько секунд, рассматривая набросок. — Красиво. Очень красиво.

Элис заметно расслабилась. Она всегда искала в её глазах именно это одобрение. — Спасибо.

В прихожую вышел Адриан. — Судя по лицам, школа пока не сгорела. — Пока держится, — отозвался Калёб. — Жаль. Элис тихо рассмеялась. — Дай ей хотя бы неделю. — Договорились. Адриан перевёл взгляд на меня. — А ты что скажешь? Я пожал плечами. — Обычный день. Адриан понимающе кивнул. Он слишком хорошо знал этот ответ. — Значит, всё прошло спокойно. — Угу. Виктория мягко улыбнулась. — Это самое главное.

На несколько секунд в доме воцарилась тишина. Та самая, правильная, уютная тишина, которая бывает только там, где тебя действительно ждут. Я поймал себя на мысли, что за последние годы именно такие вечера стали для меня самыми ценными. Когда все рядом, никто не спешит, и можно просто молчать. И этого — вполне достаточно.

Разговор постепенно сошёл на нет. Калёб ушёл наверх. Элис, забрав скетчбук, скрылась в своей комнате. Виктория вернулась на кухню. Адриан проводил её взглядом, едва заметно улыбнулся и тоже вышел.

Дом наполнился привычным ритмом: мерным тиканьем старых часов, приглушённым шумом дождя за окном и редким скрипом деревянных половиц.

Я поднялся к себе. Комната ещё не успела стать родной: у стены теснились неразобранные коробки, на столе лежала закрытая книга, у окна замер небольшой чемодан. Я подошёл к стеклу. За ним, в сумерках, медленно качались тёмные верхушки сосен. Лес начинался почти сразу за чертой домов. Совсем близко.

Я долго смотрел туда, не шевелясь. Затем тихо выдохнул. Лес. В каждом городе он был разным, но всегда дарил одно и то же — тишину.

Я взял с вешалки легкую куртку. Спускаясь по лестнице, я столкнулся с Адрианом. — Прогуляешься? — спокойно спросил он. — Да. Адриан кивнул, не задавая лишних вопросов. — Не задерживайся слишком долго. — Не буду. Он лишь едва заметно улыбнулся уголками губ. — Удачной прогулки.

Через минуту за мной тихо закрылась входная дверь. Прохладный вечерний воздух мгновенно наполнил лёгкие. Я поднял голову: небо окончательно затянули тяжёлые свинцовые облака. Где-то в глубине чащи негромко каркнула ворона, и этот звук показался неестественно резким.

Я неспешно пошёл по узкой тропинке, петляющей между соснами. Я не выбирал направление — ноги сами находили дорогу. Так было почти всегда. Лес никогда не казался мне чужим.

Вскоре я вышел к небольшому ручью. Вода беззвучно скользила между тёмными камнями. Несколько капель сорвались с ветвей, разбивая зеркальную гладь воды. Я присел на поваленное дерево и просто слушал.

В городе слишком много шума: гул машин, обрывки чужих разговоров, бесконечный цифровой треск. Здесь же каждый звук имел свой вес. Ветер, вода, дыхание леса. Я закрыл глаза.

Странно. Прошло столько лет... А именно здесь, среди деревьев, становилось легче всего. Будто сама природа умела хранить чужие тайны.

Порыв ветра качнул ветви, и вместе с запахом сырой земли до меня донёсся едва уловимый аромат. Тонкий, почти призрачный запах полевых цветов.

Я резко открыл глаза. Сердце на мгновение пропустило удар, а затем пустилось вскачь. Нет... Этого не могло быть. Этого просто не может быть.

Полевые цветы. Мария всегда приносила их с наших прогулок.

Я сжал пальцы так сильно, что ногти впились в ладони. Перед глазами вспыхнуло воспоминание. Оно было настолько ярким, настолько живым, словно не век прошёл, а всего лишь один день...

Воспоминание

— Ты опять слишком серьёзный.

Дэмиан поднял голову. Мария стояла в нескольких шагах,

пряча руки за спиной. Она улыбалась. Так легко, будто в мире не существовало ничего, кроме этого момента, и ничего плохого в нем быть не могло.

— Я серьёзный не всегда.— Всегда.— Неправда.

Она подошла ближе, сокращая расстояние.— Тогда улыбнись.— Зачем?— Чтобы доказать.

Он молча смотрел на неё ещё несколько секунд, борясь с привычной маской спокойствия. Потом всё-таки сдался. Улыбнулся. Совсем чуть-чуть, лишь уголками губ.

Мария довольно кивнула.— Вот. Совсем другое дело. — Она протянула руку. — Пойдем.— Куда?— Не знаю. Просто пойдём.

Дэмиан тихо усмехнулся.— Это плохой план.— Самые лучшие планы начинаются именно так.

Он покачал головой, но всё равно вложил свою ладонь в её тёплую руку. Она тут же потянула его за собой, заставляя почти бежать.— Быстрее!— Мария...— Не ворчи!

Она засмеялась. Звонко, искренне. Этот смех эхом рассыпался между стволами сосен.

В какой-то момент она резко остановилась. Наклонилась к краю поляны и сорвала несколько белых полевых цветов. Один цветок она протянула Дэмиану.— Держи. Он вопросительно приподнял бровь.— Зачем?— Потому что ты бы никогда не сорвал их сам.— Это правда.— Я знаю. — Она снова улыбнулась. — Именно поэтому я делаю это за тебя.

Дэмиан посмотрел на крошечный белый лепесток в своей

руке. Потом на Марию. В такие минуты ему казалось, что рядом с ней мир действительно становится светлее.

— О чем задумался? — спросила она. Дэмиан посмотрел ей в глаза. — Ни о чем. Она тут же прищурилась. — Врешь. — Почему? — Потому что, когда ты говоришь правду, ты смотришь мне в глаза.

Он невольно усмехнулся. — И давно ты это заметила? — Давно. — Она гордо вскинула подбородок. — Я вообще очень наблюдательная. — Не спорю.

Мария вдруг сделала шаг назад. — Стой здесь. — Зачем? — Не двигайся!

Она быстро скрылась в высокой траве, что-то увлеченно высматривая. Спустя мгновение она радостно вскинула руку. — Нашла! — Что именно? Она подошла вплотную и раскрыла ладонь. На ее пальцах замерла маленькая божья коровка. — Посмотри.

Дэмиан осторожно наклонился. Насекомое медленно перебирало лапками по ее коже. — Красивая. — Правда? — Мария улыбнулась. — Знаешь, бабушка говорила: если божья коровка сама сядет на руку, день будет счастливым. — Ты веришь в такие вещи? Она пожала плечами. — Не знаю. Но мне нравится верить.

Дэмиан молча наблюдал за ней. Иногда ему казалось, что Мария специально замечает всё то, мимо чего остальные проходят не глядя: цветы, птиц, божьих коровок, облака необычной формы. Она будто каждый день находила повод

остановиться. И именно поэтому рядом с ней хотелось идти медленнее.

Божья коровка расправила крылья и улетела. Мария проводила ее долгим взглядом.— Видел?— Что?— Она даже не испугалась тебя.— А должна была?— Не знаю. — Она снова улыбнулась. — Но, кажется, ты нравишься не только мне.

На несколько секунд между ними повисла тишина. Дэмиан почувствовал, как уголки его губ сами собой ползут вверх. Он даже не заметил, что снова улыбается.

— Вот, — довольно сказала Мария. — Теперь намного лучше.— Что лучше?— Ты.

Она снова взяла его за руку.— Пойдём.

И они медленно пошли дальше по лесной тропинке. Мария рассказывала обо всем на свете...— О новой книге.

О соседском коте, который каждое утро приходил к ним на крыльцо.

О том, что она обязательно научится рисовать.

Дэмиан почти не говорил. В основном слушал. И этого было достаточно.

— Ты опять молчишь, — сказала Мария.— Я слушаю.— И?— Мне нравится.

Она тихо улыбнулась.— Знаешь... большинство людей, когда я начинаю так много говорить, пытаются меня остановить.— Я не большинство.

Мария замерла, глядя на него несколько секунд. Потом неожиданно рассмеялась.— Это правда.

Она вдруг сорвалась с места и бросилась вперёд, по лесной тропе.— Догони! Дэмиан покачал головой.— Мария...— Если поймаешь, исполню одно желание!— Любое?

Она обернулась на бегу, шурясь от солнца.— Почти любое!— Уже лучше.— Не вредничай!

Она снова засмеялась, и этот звук погнал по лесу. Дэмиан всё-таки побежал следом. Через несколько секунд он легко настиг её. Мария даже вскрикнула от неожиданности, когда он осторожно перехватил её за руку.

— Попалась. Она попыталась сделать серьёзное лицо, но вышло плохо.— Это нечестно.— Почему?— Ты слишком быстрый.— А ты сама предложила.

Она тихо фыркнула и опустила взгляд.— Ладно. Проиграла.

Мария посмотрела на их сцепленные руки, потом подняла глаза на Дэмиана.— И какое желание?

Он задумался всего на секунду.— Никакого. Она удивлённо моргнула.— Совсем?— Мне и так хорошо.

Мария долго молчала. А потом улыбнулась так тепло, что ему показалось, будто весь лес вокруг на мгновение озарился светом. Она осторожно переплела свои пальцы с его.

— Тогда... просто побудь со мной ещё немного.— Хорошо.

Они пошли дальше в тишине. Никто из них тогда не знал, насколько ценными однажды станут эти обычные, ничем не примечательные минуты.

Вскоре они вышли к небольшому озеру. Вода была настолько спокойной, что отражала небо, словно идеально отшлифованное зеркало. Мария первой опустилась на траву, подтянув колени к груди.

Несколько минут они просто сидели, вслушиваясь в шелест листвы. Она сорвала тонкую травинку и задумчиво крутила её между пальцами.

— Можно задать вопрос?— Конечно.— Ты когда-нибудь думал... каким ты будешь через сто лет?

Дэмиан тихо усмехнулся.— Станный вопрос.— Почему?— Просто странный.

Она слегка толкнула его плечом.— Всё равно ответь.

Он сделал вид, что серьёзно задумался, глядя на водную гладь.— Наверное... старым.

Мария громко рассмеялась.— Очень смешно!— Ты сама спросила.— Нет, — она посерьёзнела, и в её глазах промелькнуло что-то глубокое, почти взрослое. — Я не про возраст. Я про человека. Каким ты будешь? Добрым? Строгим? Вредным? Или таким же молчуном?

Дэмиан посмотрел на неё. В её глазах отражалось небо.— Не знаю.— Я знаю, — сказала она совсем тихо.— Правда?Мария уверенно кивнула.— Ты совсем не изменишься.Он вопросительно поднял бровь.— Потому что ты уже сейчас хороший. Просто не всем это показываешь.

Дэмиан ничего не ответил. Он никогда не умел принимать такие слова. Мария улыбнулась ещё шире.— Вот видишь.

Опять молчишь. Значит, я права.

Она поднялась на ноги и протянула ему руку.— Пойдем. Скоро начнет темнеть.

Он взял ее за руку. Теплую. Живую.

...

Дэмиан резко открыл глаза.

Перед ним всё так же шумели сосны. По листьям тихо стучал дождь. Рядом никого не было. Только мокрый, пустой лес.

Он медленно опустил взгляд на свою ладонь. Пальцы были пусты. Он еще несколько секунд неподвижно смотрел на них, прежде чем тихо выдохнуть:— Я почти забыл звук твоего смеха...

Эти слова растворились в шуме дождя. Лес ничего не ответил.

Дэмиан ещё долго сидел неподвижно. Дождь постепенно усиливался. Капли срывались с ветвей и глухо падали в ручей. Он медленно поднялся. Пора было возвращаться.

Сделав несколько шагов по тропинке, он вдруг остановился. Что-то было не так. Он не сразу понял, что именно. Лес всё так же шумел. Ветер всё так же качал сосны. Но появилось странное ощущение... будто он здесь не один.

Дэмиан медленно огляделся. Высокие деревья, туман между стволами, мокрые кусты — ничего. Несколько секунд он внимательно всматривался в густую тень. Тишина. Ни единого движения.

Он уже собирался идти дальше, когда взгляд случайно зацепился за небольшую поляну у самой тропы. Среди мокрой травы рос одинокий белый полевой цветок. Точно такой же, какие когда-то собирала Мария.

Дэмиан замер. Несколько мгновений он просто смотрел на него. Потом медленно присел рядом и осторожно коснулся лепестка кончиками пальцев. Он не стал его срывать. Лишь едва заметно улыбнулся.

— Тебе бы здесь понравилось... — тихо сказал он.

Ветер снова прошёлся по верхушкам деревьев. Где-то далеко каркнула ворона. Дэмиан поднялся и ещё раз посмотрел вглубь леса. Странное чувство чужого присутствия исчезло так же внезапно, как и появилось.

Наверное, показалось.

Он поправил куртку и неспешно пошёл обратно к дому. А белый цветок ещё долго покачивался на ветру, будто провожая его взглядом.

Дэмиан неспешно вышел из леса. Вечер почти опустился на Фолл-Крик. Туман медленно стелился между деревьями, постепенно скрывая тропинку. Он остановился у калитки.

Во всех окнах дома уже горел тёплый свет. Из кухни доносились приглушённые голоса: Элис что-то рассказывала, Калёб смеялся, Виктория просила передать чай. Самый обычный вечер.

Дэмиан невольно улыбнулся. Иногда ему казалось, что именно такие вечера и делают любое место домом. Он уже

взялся за ручку калитки, но почему-то снова посмотрел в сторону леса. Тот стоял неподвижно. Тихий. Темный. Словно ничего не произошло. Словно несколько минут назад он не вернулся туда, где был счастлив.

Дэмиан ещё несколько секунд смотрел на верхушки сосен. Потом тихо покачал головой.— До завтра... — едва слышно произнёс он.

Он и сам не знал, сказал ли это лесу... или своим воспоминаниям.

Дверь дома почти сразу распахнулась.— Дэм! — выглянула Элис. — Ты долго! Мы уже думали, ты решил жить в лесу. Он усмехнулся.— Не сегодня.— Тогда заходи быстрее. Кaleb опять спорит с Адрианом и скоро проиграет!— Я всё слышал! — донёсся голос Калеба из глубины дома.

Элис рассмеялась и скрылась за дверью. Дэмиан бросил последний взгляд на лес, вошёл внутрь, и дверь тихо закрылась.

А за окном продолжал идти дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.